
ВОСПОМИНАНИЯ

Александр Трифонович Твардовский – Василий Теркин советской и русской литературы К 110-летию со дня рождения

© 2021 г. К.М. Долгов

А всего иного пуше
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуше,
Как бы ни была горька.

*А. Твардовский.
Василий Теркин*

Мне посчастливилось на протяжении почти всей жизни встречаться, работать и общаться с выдающимися представителями нашей науки, литературы и искусства. Так, я считаю настоящим подарком судьбы встречи и беседы с нашим знаменитым поэтом, писателем, критиком, многолетним редактором журнала «Новый мир» Александром Трифоновичем Твардовским. Когда руководство журнала «Коммунист» поручило мне, консультанту отдела культуры, заказать статью о советской литературе А.Т. Твардовскому, в то время главному редактору журнала «Новый мир», вызывавшего огромный интерес и у нас, и за рубежом, я был не просто рад, я был счастлив. Мне всегда хотелось, но еще не доводилось говорить с ним о серьезных вопросах нашей литературы и культуры. Договорившись по телефону о встрече, я приехал к Александру Трифоновичу в редакцию в назначенный час, но его не оказалось на месте. Прождав весьма долго, я уже собрался уходить и вдруг услышал в коридорах голос А.Т. Твардовского. Он, к моему удивлению, не сдерживая себя, ругал представителей ЦК, Главлита за то, что они едва ли не каждый раз после выхода очередного номера журнала устраивали ему головомойку, резко критикуя за очередные публикации. Вскоре дверь открылась, Твардовский буквально влетел в приемную, потом в свой кабинет, продолжая, не выходя выражений, ругать, даже поносить своих литературных и партийных начальников:

– Сколько можно мордовать нас за ту или иную публикацию на протяжении стольких лет! По их обвинениям, можно подумать, что я ярый враг советской власти или, по крайней мере, человек, который стремится подорвать основы нашего строя, общества и государства! Всем известно, что я вышел из народа, что советская власть дала мне все для того, чтобы я стал поэтом, писателем, грамотным, культурным человеком. Всем известно, что я всю жизнь честно служил и служу своему народу, своей родине. У меня нет и не может быть ни одной строчки, где бы я выступал против советской власти, скорее, наоборот, я, пожалуй, один из тех редко встречающихся поэтов и писателей, которые всегда отстаивали интересы нашего народа и государства как внутри страны, так и за рубежом. Тогда почему меня так мордуют после выхода почти каждого номера?! Я уже не раз думал о том, чтобы снять с себя полномочия главного редактора, мне надоели эти банальные прописные, а порой просто клеветнические обвинения против меня лично и журнала в целом. Если я не угоден каким-то литературно-культурным чиновникам, то я действительно подам заявление об уходе с поста главного редактора!

Все это Твардовский говорил резко, громко, с криком, добавляя иногда почти нецензурные выражения. Прошло не менее получаса, прежде чем он несколько успокоился, вышел из своего кабинета и пригласил меня к себе. Лицо его было почти багровым. Твардовский то садился за стол, то снова вскакивал, язвительно цитировал своих начальственных критиков, опять садился, и только после того, как окончательно успокоился, началась наша беседа.

– Константин Михайлович, как я понял из нашего телефонного разговора, Вы хотели бы заказать мне статью о советской литературе для вашего журнала. Вы сами видите, что пришли ко мне не в самый удобный для подобного разговора момент, но я все-таки готов побеседовать на эту тему, тем более что поговорить есть о чем. Вам, наверное, известно, что против нашего журнала на протяжении уже ряда лет ведется яростная критика, особенно после публикации таких произведений, в которых критикуются некоторые трудности, недостатки в нашей действительности, обусловленные некомпетентностью, безответственностью, халатностью наших чиновников, непродуманностью и неподготовленностью выдвигаемых планов и их решений. Это касается жизни, как в городе, так и на селе, состояния нашего образования, литературы, искусства, вопросов экономики и даже политики¹. А некоторые из высокопоставленных чиновников, а также писателей и критиков прямо говорят об антисоветском курсе нашего журнала, в связи с публикациями В. Померанцева, М. Лившица, Ф. Абрамова, Б. Можаева, В. Быкова, Ю. Трифонова и др. За это, как известно, я уже однажды был снят с должности главного редактора «Нового мира», которым руководил с 1950 по 1954 г. Сейчас я снова возглавляю журнал, но атаки против меня и журнала не только не утихли, а стали еще более резкими, яростными и враждебными. За что же ко мне и журналу столь несправедливое отношение наших чиновников от литературы и культуры? Сколько еще можно измываться надо мной и журналом? Вот ситуация, которая больше всего меня беспокоит и волнует. Если я напишу статью об этом, то вряд ли редакция вашего журнала ее опубликует².

Я ответил, что содержание статьи полностью зависит от автора и писать надо именно о том, что его действительно волнует и беспокоит. Полемика, которая ведется против «Нового мира», известна, в связи с этим журнал «Коммунист» как раз и заинтересован представить взгляды А.Т. Твардовского – поэта, писателя и главного редактора «Нового мира» – на ситуацию, сложившуюся в советской литературе.

– Да, действительно, – сказал Твардовский. – Эта ситуация весьма сложная, здесь мы встречаемся с разными взглядами относительно нашей победы в Великой Отечественной войне, положения в сельском хозяйстве, о чем пишут наши писатели-деревенщики Федор Абрамов, Василий Белов, Валентин Распутин. Появилась литература, более похожая на политику, вроде политической повести или политического романа, не говоря уже о почти открытых антисоветских выступлениях. Если я напишу такую серьезную и неоднозначную статью, опубликует ли ее ваша редакция? Я в этом не уверен, но писать следует прежде всего именно об этих тенденциях, а уж как их изложить, это другой вопрос.

Может быть, следует согласиться с некоторыми критическими замечаниями руководства и авторов журналов «Октябрь» и «Огонек», но только с некоторыми, ибо подавляющее большинство их суждений о наших публикациях больше смахивает не на критику реальных недостатков, а на вульгарную клевету на авторов произведений, которые мы публикуем, и на коллектив нашего журнала. С этим никак нельзя соглашаться. Если хотите знать, мы опубликовали и продолжаем публиковать эти произведения вовсе не для того, чтобы подорвать основы нашего строя, как утверждают наши критики, а как раз наоборот, для того, чтобы люди яснее увидели эти недостатки в нашей жизни, теневые стороны, которые мешают развитию и нашего общества, и нашего государства. И чем быстрее мы будем освобождаться от всех этих недостатков, тем быстрее мы будем развиваться, продвигаться вперед к достижению поставленных целей, к решению сложных задач, стоящих перед первым в истории социалистическим государством. Ведь наш народ прокладывает впервые в истории новые пути

развития совершенно нового государства, где вся власть действительно принадлежит народу, где нет эксплуатации, нет губительного разрыва между богатыми и бедными, где сложилась и продолжает развиваться совершенно новая мораль и новые отношения между людьми. На этом пути возможны самые разные ошибки, заблуждения, серьезные недостатки, и почему же о них нужно умалчивать, почему о них нельзя писать и говорить? Я лично убежден как раз в том, что, чем активнее мы будем заниматься критикой и самокритикой, тем быстрее и успешнее мы будем строить в нашей стране социализм. Это надо осознать и относиться к этому соответственно³.

Я как замороженный не сводил глаз с Александра Трифоновича. Его слова, которые он произносил то тихо, то повышая голос, очаровали меня. Я не просто внимал, воспринимал все, что он говорил, я как бы вместе с ним переживал все, что волновало, раздражало и возмущало его. Это было не просто восприятие собеседника, а какое-то особое чувство сопереживания, сострадания, связанное с болью от несправедливого отношения к праведному делу, которому на протяжении многих лет служил и отдавал всего себя А.Т. Твардовский. Мне казалось, что все слова, которые он высказывал, преображались в его облике в определенные образы, то в благородные и прекрасные глубинные движения души и сердца, а то и в какие-то чужие, холодные, даже, в известной степени, отрицательные образы, от которых хотелось чем-то укрыться, защититься, отвернуться. На какое-то время установилась тишина. Твардовский замолк, а я не мог отойти от того впечатления, которое произвели на меня его слова. Затем, как будто совсем успокоившись, он вдруг улыбнулся и попросил прощения за невольно высказанные резкие суждения и охватившие его в связи с головомойкой страсти.

– Вообще мне следовало бы писать не статью для вашего журнала о положении в советской литературе, а серьезный большой труд, в котором бы я рассмотрел достаточно подробно и основательно сложившуюся ситуацию в нашей литературе. К великому сожалению, у меня сейчас на это нет времени. Правда, у меня есть некоторые дневниковые записи, посвященные этим вопросам, но я также не могу публиковать их без соответствующей обработки, хотя в них я выразил в достаточно полной мере все, что меня волновало в эти годы. Может быть, когда-нибудь я это и опубликую.

Я не знал, как благодарить Александра Трифоновича за столь содержательную беседу. Разумеется, я тоже извинился за то, что пришел к нему в не самое лучшее время, но в целом я был настолько доволен нашей встречей, что мы, как мне показалось, расстались друзьями, понявшими и понимающими друг друга. Примерно через неделю я снова побеспокоил его по телефону, чтобы узнать, написал ли он статью. Он ответил, что в ближайшее время сможет ее представить. И действительно, вскоре он вручил мне свою статью, но он был уже в очень хорошем настроении. На него было просто приятно смотреть, он весь светился, сиял, и нельзя было узнать в нем того разгневанного и обиженного писателя и редактора, которого я видел в прошлый раз.

После журнала «Коммунист» меня назначили директором издательства «Искусство», где я понял, что такое издательское дело, насколько оно ответственно, ибо за издание некоторых книг, в частности, книг по древнерусской иконописи, мне не только устроили головомойку, как в свое время Твардовскому, но и хотели исключить из партии и снять с работы. Затем меня назначили заведующим сектором художественной литературы Отдела культуры ЦК КПСС, где я уже на другом уровне встречался с писателями, поэтами, литературными критиками, сотрудниками литературных издательств и журналов, в том числе и «Нового мира». Я во многом иначе, более широко, глубоко и тонко стал чувствовать, понимать и переживать творчество А.Т. Твардовского как поэта и писателя, воспринимать его деятельность как главного редактора «Нового мира» настолько близко, что иногда мне казалось, что все это относится скорее ко мне, чем к нему или к кому-то другому. К сожалению, это были уже только мои воспоминания, поскольку Александра Трифоновича к тому времени не было в живых. Все это я почувствовал и осознал особенно четко после того, когда спустя многие годы были опубликованы дневниковые записи А.Т. Твардовского, в которых, наряду с обычными делами, описывались весьма существенные исторические события

и те чувства и мысли, которые они порождали у автора (см.: [Твардовский 2009]). А.Т. Твардовский вел свой дневник в течение почти всей сознательной жизни. Здесь не место писать о его дневнике, это требует особой, большой работы, но совершенно необходимо отметить, что послевоенные, особенно 1960-е, годы были для А.Т. Твардовского временем глубочайших раздумий об исторической памяти и совести. Поскольку послевоенные события, которые переживал советский народ, требовали более четкого и глубокого осознания того, что произошло перед Великой Отечественной войной, во время войны и в послевоенное время, для него как для выдающегося поэта и главного редактора «Нового мира» эти раздумья были, по существу, смыслом жизни и творчества в эти годы. Даже беглое перечисление некоторых дневниковых замечаний Твардовского имеет огромное значение в понимании его как личности, поэта и общественного деятеля. Например, после посещения города Ярославля в середине 1961 г. он пишет о пустых магазинах и рынках, о безрыбной Волге. А ведь с момента окончания войны прошло уже больше пятнадцати лет! И такое положение – пустые полки в магазинах – можно было увидеть во многих городах и селах.

Разумеется, А.Т. Твардовский не мог обойти тему борьбы с чиновниками. Он замечал, что он и журнал до того вклинились куда-то с недостаточными силами, что уже и обратного пути нет, и продвигаться страшно трудно. Поэт понимал, что чиновничество – это огромная сила, с которой не так просто бороться, ибо оно почти органически встроено в существующую государственную и общественную систему. Он писал, что не культ их породил, а чиновники его, и верны ему – больше им ничего не остается, все остальное им кажется зыбким, неверным, начиненным всяческими последствиями, утратой их привилегий, и страшит их пуще всего. И еще: они угадывают своим сверхчутьем, выработанным и обостренным годами, что это их усердие не будет наказано решительно, ибо нет в верхах бесповоротной решимости отказаться от их услуг. И Твардовский заключает, что это надолго. И нечего больше делать, как только отламывать по кирпичику, выламывать, выкрашивать эту стену. И, несмотря на все это, А.Т. Твардовский как главный редактор «Нового мира» продолжал свою борьбу, поскольку без нее дальнейшее развитие советской литературы было практически невозможно. И он вел эту борьбу почти до конца своей жизни, вел умно, достойно, не переходя определенные границы – с полным уважением и любовью к своей стране и народу, к литературе и культуре, понимая, что при всех изменениях, происходящих в верхних эшелонах власти, народ в конечном счете решает все основополагающие проблемы политики, экономики, литературы, искусства и культуры.

Я всегда с огромным волнением вспоминаю о А.Т. Твардовском, поэте, писателе, общественном деятеле, который внес поистине неоценимый вклад в развитие русской и советской литературы. Я и по сей день нередко перечитываю его «Василия Теркина», «Страну Муравию», «За далью – даль», «Теркина на том свете», его дневники и публицистику – все то, что составляло и составляет высочайшие достижения нашей советской многонациональной литературы и культуры. Вспоминая его творчество, я невольно обращаюсь к тому, что он писал в своей автобиографии – о тех трудностях, которые ему пришлось преодолевать, чтобы от полуграмотного подростка стать выдающимся поэтом, писателем, критиком – человеком, достойно представлявшим советскую культуру в нашей стране и за рубежом. Когда в связи со столетием А.Т. Твардовского была выпущена юбилейная медаль, которой, наряду с другими уважаемыми деятелями культуры, наградили и меня, это было неожиданной и большой радостью. Я храню ее как одну из самых дорогих и редчайших реликвий, напоминающую мне о жизни и творчестве этого великого и дорогого для меня человека.

Примечания

¹ В 1967–1969 гг. в журнале были напечатаны: «Соленая Падь» Сергея Зальгина, «Атака с ходу» и «Круглянский мост» Василя Быкова, «Две зимы и три лета» и «Пелагея» Федора Абрамова, «Плотнички рассказы» и «Бухтины вологодские» Василия Белова, «На испытаниях» И. Грековой,

«Юность в Железнодорожке» Николая Воронова, «Обмен» Юрия Трифонова, «Два товарища» Владимира Войновича, «Три минуты молчания» Георгия Владимова, «Ясным ли днем» Виктора Астафьева, «Пятый день осенней выставки» Евгения Носова, «На улице Широкой» и «Родные» Виктора Лихоносова, очередные главы «Деревенского дневника» Ефима Дороша, повести и рассказы Валентина Катаева, Вениамина Каверина, Василия Шукшина, Фазиля Искандера, Бориса Можаева, Янки Брыля, Александра Бека, Михаила Исаковского, Виталия Семина. Публицистика была представлена такими именами, как Д. Лихачев, В. Жирмунский, Н. Конрад, К. Симонов, Д. Гранин, Ж. Медведев, Г. Лисичкин, Ю. Черниченко, И. Кон, Э. Соловьев, В. Лакшин, И. Виноградов, Ю. Буртин, В. Кардин, Н. Ильина, Р. Орлова, Ст. Рассадин.

²О том, что приходилось испытывать А.Т. Твардовскому и редакции «Нового мира» в связи с постоянными нападками на их работу, публикации, можно судить по многим пронзительным дневниковым записям Твардовского. Он писал, что нет сил быть подробным в изложении всей той лжи, заушательства, оскорблений и облыжных политических обвинений, которые обрушиваются на журнал и на него уже столько времени и в таких формах перед лицом миллионов читателей – его и журнала, который он редактировал.

³Здесь будет уместно привести цитату из дневника А. Кондратовича, в то время заместителя главного редактора «Нового мира» А.Т. Твардовского, где он дает довольно резкую оценку несправедливой критике со стороны представителей официальной власти в адрес редакции «Нового мира»: «В истории советской литературы да и вообще русской литературы не было такого периода, – я по крайней мере не припоминаю, – когда было бы запрещено и не печаталось такое количество талантливых произведений. Самое поразительное, что они написаны не только не с каких-либо враждебных позиций, а с позиций абсолютно советских, советскими писателями, в большинстве своем коммунистами. Неужели вы не понимаете, что это ужасно? Тут может быть только два объяснения: или что-то ненормальное происходит в самой литературе, или в руководстве и цензуровании» [Кондратович 1991, 249]. Хотя редакция «Нового мира» пыталась доказать правильность своего курса хождениями в различные инстанции, в ее адрес сыпались упреки в бездействии, в том, что она смирилась и встала на колени. Об этом, в частности, сказал Солженицын. Вот что мы читаем об этом у А. Кондратовича: «Солженицын как раз на нас возлагает вину: мы не сопротивлялись, не протестовали, кончились, стоя на коленях» [Там же, 487–488]. Здесь Солженицын лукавит, обвиняя «Новый мир» в бездействии, вместо того, чтобы самому выступить в его защиту, тем более, что он вошел в советскую литературу благодаря публикации его рассказа «Один день Ивана Денисовича» именно в «Новом мире». Вот почему А.Т. Твардовский весьма критически относился к поведению А. Солженицына. А. Кондратович отмечает, что А. Солженицын никогда не был единомышленником А. Твардовского, как считал сам Твардовский. В конце концов Твардовский понял, что Солженицын, как нередко это бывает у талантливых людей, страдает *mania grandiose*, таким людям абсолютно чуждо чувство благодарности, они преследуют только свои цели [Там же, 225].

Источники – Primary Sources in Russian

Твардовский 2009 – *Твардовский А.Т.* Новомирский дневник. В 2 т. М.: ПРОЗАиК, 2009 (Tvardovsky, Alexander T., *Novomirsky Diary*, in Russian).

Кондратович 1991 – *Кондратович А.И.* Новомирский дневник (1967–1970). М.: Советский писатель, 1991 (Kondratovich, Alexey I., *Novomirsky Diary* (1967–1970), in Russian).

Долгов Константин Михайлович – Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заслуженный деятель РФ.
esta20@mail.ru

Dolgov Konstantin M. – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Principal Research Scientist, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-214-218